

Амфитеатров
Александр Валентинович

СИБИРСКИЕ ЭТЮДЫ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А63

Амфитеатров, А. В.

А63 Сибирские этюды / А.В. Амфитеатров. – М. : Т8RUGRAM,
2018. – 384 с.

ISBN 978-5-521-78854-5

«Сибирские этюды» – сборник правдивых заметок и очерков, написанных автором после Минусинской ссылки. Эмоциональные, но точные и совершенно не выдуманные зарисовки в прозе, долгое время приравниваемые к «Сибирским очеркам» Мамина-Сибиряка, до сих пор продолжают покорять сердца всё новых и новых читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

Jo my dear

Old Lady

Отъ автора.

Весьма возможно, что въ книгѣ этой найдутся ошибки, но, смѣю увѣрить читателя: только невольныя. Спокойно и безъ предубѣжденій записывалъ я, что видѣлъ въ степномъ краю Восточной Сибири и слышалъ отъ людей ея, и ошибки могутъ быть лишь въ тѣхъ подробностяхъ, которыя были преднамѣренно искажены мнѣ самому въ чужомъ разсказѣ, а я не успѣлъ провѣрить ихъ личнымъ наблюденіемъ. Но—опять увѣряю читателя: если бы я хотѣлъ собирать «анекдоты» сибиряковъ о нихъ самихъ, то могъ бы издать нѣсколько такихъ книгъ, какъ эта, и были бы онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, «для занимательнаго чтенія». Въ настоящей же книгѣ читатель встрѣтитъ только то, въ правдивости чего я самъ не имѣю никакихъ основаній сомнѣваться. «Художественной выдумки» здѣсь почти нѣтъ, ея приемы я допускалъ иногда лишь настолько, чтобы придать голому факту беллетристическую обработку, ярче выяснить его окраску, механически связать дѣйствіе, выдѣлить характеристику.

Нужно ли говорить, что никакого города Храповицка нѣтъ въ дѣйствительности, и что, подъ названіемъ его, не долженъ быть понимаемъ ни одинъ изъ существующихъ сибирскихъ городовъ? Я знаю ихъ пять, и совокупность наблюденій за жизнью этихъ пяти сложила тотъ фантастическій по имени, но реальный по существу, собирательный Храповицкъ, въ который—милости прошу!

А. В. А.

Вологда. 4 мая 1904 года.

Медвѣжій уголь.

Житіє славнаго города Храповицка.

I.

Ночные голоса.

— Нѣтъ, это что же? Образованнаго человѣка—и въ морду! Нѣтъ! Зачѣмъ?

Слова эти раздались въ моей комнатѣ, надъ самымъ моимъ ухомъ. Я, въ сонномъ испугѣ, открылъ глаза, повернулся на подушкѣ. Никого и ничего. Черный мракъ глубокой ночи. Скрипятъ ставни, стонуть болты у ставень. Мерзлая песочная пыль, проклятіе безснѣжной зпмы, свирѣпо бичуетъ бревенчатыя стѣны. Стоило просыпаться!

— Я интеллигентъ, онъ интеллигентъ. Интеллигентъ интеллигента въ морду... Славно!!! Позвольте! Почему?

И—опять надъ самымъ ухомъ. Голосъ незнакомый: жалобный, сиплый и громкій.

— Кто здѣсь?

Нѣтъ отвѣта.

Въ недоумѣніи шарю спичекъ. Какой чортъ забрался ко мнѣ разглагольствовать? Живу въ гостиницѣ, двери запираю забывчивъ... Зажегъ свѣчу—никого!..

Никого,—и какъ будто кто-то есть. Чуткое въ ночи ухо ловитъ вздохи, мелькающій шорохъ. Номеръ у меня угловой, глухой, тихій. Ближайшіе сосѣди—батюшка съ матушкою изъ уѣзда—люди чинные, легли спать съ вечера

нихъ курей; я слышу и сейчасъ, какъ они за перегородкою посвистываютъ въ два носа... Что же это? До галлюцинацій что ли я дошелъ въ своей одипокой скукѣ?

— Оедоръ Дмитричъ, Оедоръ Дмитричъ!—завопилъ воздушный голосъ такъ неожиданно и пронзительно, что меня всего передернуло.—Оедоръ Дмитричъ! Что же ты, братецъ, спишь? Нельзя такъ! Оедоръ Дмитричъ! По человечеству тебѣ говорю—проснись, пожалуйста!

Пронеслось откуда-то чье-то отвѣтное ворчанье. Итакъ, невидимокъ витаетъ близъ меня уже не одинъ, ихъ цѣлыхъ два. Что дальше будетъ?

— Оедоръ Дмитричъ! сдѣлай, братецъ, божеское одоженіе—проснись! Это даже довольно подло съ твоей стороны, какъ ты свински себя ведешь! Оедоръ Дмитричъ! Товарищъ въ такомъ настроеніи, что удавиться мало, а онъ спитъ!!!.. О, люди, люди!!!.. Оедоръ Дмитричъ! Свипись! Оедоръ Дмитричъ! Не спи, душечка!

Послышался длинный басистый зѣвокъ, скриппула деревянная кровать, грузно шлепнули въ полъ двѣ босыя ноги, и лѣнивый, сонный голосъ отозвался, съ флегматическою оттяжкою:

— А ты все еще... разговариваешь?

И тутъ, наконецъ, мнѣ удалось опредѣлить мѣсто исхожденія таинственныхъ звуковъ: «пусть это ново, пусть это странно», но бесѣдовала въ два голоса... огромная печка, выдвинутая бѣлымъ угломъ къ самой моей кровати. Отдушникъ ея зіялъ чернымъ круглымъ пятномъ, будто открытый ротъ, и изъ него отчетливо извергались слова и шорохи. Я вспомнилъ, что съ вечера приказалъ корридорному Кузьмѣ вынуть изъ печи вьюшки, потому что онъ, въ сибирячкомъ усердіи къ теплу, патопилъ комнату до того, что стало печѣмъ дышать. Такъ же, вѣроятно, распорядились и жильцы нижняго помера, что подо мною. И вотъ теперь тяга снизу, словно Діонисіево ухо, дышетъ на меня ихъ разговоромъ. И какъ я предупрежу ихъ, что они, хоть